
МНЕ
ПОКАЗАЛОСЬ
18+
А. ПИРАНИАН

А. Пираниан

Мне показалось

https://litres.ru/74782444
SelfPub; 2026

Аннотация

Обычные улицы, панельные дома, сосновый лес на окраине. Кажется, здесь всё знакомо и ничто не предвещает беды. Пока рядом с лесом не начинают находить тела, а привычный мир не наполняется странными знаками, подозрениями и необъяснимыми совпадениями.

У каждого своя правда. У каждого есть то, о чём он предпочитает молчать. И чем ближе герои подбираются к разгадке, тем труднее понять, где заканчивается реальность и начинается нечто другое.

Содержание

Глава 1. Василий. 4
Глава 2. Янина. 11
Глава 3. Алексей. 21
Конец ознакомительного фрагмента. 28

А. Пираниан
Мне показалось

Глава 1. Василий.

В городе Глуховце наступило обычное ленивое утро. Об этом свидетельствовали лучи солнца, медленно пробирающиеся между хрущёвками.

Вася вышел из старого деревянного дома, стоявшего немного в стороне от пятиэтажек. Когда-то его покрасили в жёлтый цвет, но за прошедшие годы краска почти полностью облупилась, обнажив потемневшие доски.

На деревянном крыльце Вася ненадолго задержался. Дверь подъезда, как это было принято, стояла настежь, и холодный августовский ветер свободно гулял по общему коридору между квартирами первого этажа.

Прямо перед Васей никак не мог дождаться начала прогулки большой пёс. Атлант стоял чуть впереди, смотря на него тяжёлым овчарочьим взглядом, на который был способен только кавказец.

Вася поправил ветровку и по привычке ссутулился, немного втянув голову в плечи. Холодный ветер растрепал его рыжие волосы. В кармане звякнули, ударившись друг о друга, ключи, телефон и, возможно, немного мелочи.

Неохотно он сделал пару шагов навстречу городу, поёжившись от очередного порыва ветра. Между краями рукавов и кистями рук парня оставалось свободное пространство, напоминающее о том, как сильно Вася вырос за лето.

Дело было не только в куртке: все штаны стали короткими, а футболки выглядели несуразными. Впереди было первое сентября, на которое все одноклассники придут новыми людьми. В новых кроссовках, куртках, возможно, даже с новыми телефонами. А Вася за лето обзавёлся разве что слишком длинными руками и ногами. Да, возможно, для него это не играло такой уж сильной роли, но он знал, что обсуждений вокруг будет много. Ноющая неуверенность сидела где-то внутри него.

В кармане завибрировал телефон, сработал будильник.

Вася проснулся задолго до будильника. Но утро проходило словно во сне: он успел одеться, взять поводок и выйти из дома, а ощущение, что он действительно проснулся, так и не пришло. Порывшись в кармане, он извлёк старый кнопочный телефон, которому даже не всегда удавалось поймать сеть в нужный момент. Нажатием клавиш он выключил будильник.

— Ну что? — сказал Вася, натягивая поводок. — Выдвигаемся.

Атлант двинулся вперёд в своём ритме, в котором хозяин был скорее приложением к прогулке, чем её центром.

Впереди виднелась трёхэтажная коробка с облупившей-

ся краской, пыльными окнами и кривым крыльцом, которое каждую весну обещали починить. Это была Васина школа. Пёс повёл Васю вокруг до боли знакомого здания. Он будто хотел напомнить о том, что скоро хозяину предстоит сюда вернуться.

Вася снова поёжился, но на этот раз ветер был тут ни при чём. К нему вернулось знакомое ощущение, которое он испытывал на уроках. Оно было схоже с опозданием на автобус, как будто все уже движутся, а он только-только подходит к двери. В школе, пока другие понимали тему, он только начинал разбираться, о чём вокруг вообще говорят. Его подруга детства и одноклассница Яна успокаивала его словами, что это «особый метод обучения», хотя Вася подозревал, что это была обычная тупость.

Единственным предметом, который хоть как-то поддавался Васе, была литература. Ему нравилось, что на нём иногда можно было честно думать вслух о мире, жизни и смерти. О смерти, пожалуй, Вася думал даже слишком часто.

На этом витке размышлений Васи они с Атлантом закончили кольцо вокруг школы и повернули в обратную сторону. Туда, где деревянный мост соединял Глуховец с сосновой чащей.

Мысли о смерти преследовали Васю с тех пор, как он узнал от бабки, что птица, врезавшаяся в его окно, — к покойнику. Сначала он смеялся. А потом мать всё чаще стала пахнуть больницей. Иногда Васе казалось, что больница на-

всегда въелась в неё: в волосы, одежду, кожу рук.

Этот удушающий запах мог преследовать его не только в доме, но и в лесу. Там всегда было тихо, как на проводах.

Вася боялся леса.

Этот страх был с ним всегда.

Был даже до того осеннего дня, который существовал в голове как отдельные, не связанные между собой фрагменты, слишком чёткие, чтобы исчезнуть. Иногда ему чудилось, что он может вспомнить всё целиком. Такие моменты пугали больше всего.

Именно так в жизни Васи появился Атлант. Мать купила собаку, надеясь избавить парня от фобии. Щенок даже в три месяца имел грозный вид и с трудом помещался на руках. Но всё равно спал в его кровати, хотя и занимал большую часть тахты.

Кавказская овчарка сразу стала верным другом. С Атлантом тишина отступала, а в жизни Васи появились долгие прогулки.

Вася и Атлант приблизились к мосту. Здесь город уже переставал быть городом, но ещё не становился лесом. Это была пограничная зона. Прямо за деревянными мостками начиналась тропа. Узкая, вытоптанная, с неровными краями травы и следами от ботинок, она следовала вдоль реки, оставляя лес по правую сторону. Именно по ней, в сторону лесопилки, чаще всего проходили долгие прогулки, так как в лес Вася входить не решался.

Вася посмотрел на собаку и почти машинально сказал: «Атлант».

Пёс чуть повёл ухом.

— Атланты же небо держат, — зачем-то продолжил разговор Вася. — А ты пока только меня на поводке. Ну ничего, начало положено...

Это звучало легко и глупо — так, как и должна была звучать шутка. Для Васи мир оставался управляемым, пока в нём существовали такие разговоры.

Парень и пёс сделали несколько шагов вперёд.

Звуки вокруг них изменились. Сначала почти незаметно, как будто кто-то просто убавил громкость у мира. Васе показалось, что машины на другом берегу звучат чуть позже, чем должны. Потом исчезли голоса. Потом даже река стала звучать словно через вату.

Вася остановился.

Оглянулся.

Город на другом берегу был на месте, нормальный, живой. Но здесь у кромки леса всё было слишком тихо. Неправильно спокойно.

Пёс тоже остановился, и это сразу изменило ощущение ситуации. Улыбка Васи медленно исчезла. Что-то старое и детское снова колыхнулось внутри.

Атлант стоял неподвижно, напряжённо, собранно. Его уши были приподняты, а взгляд направлен не на деревья, а глубже — туда, где он уже не различает отдельных предме-

тов.

— Эй, — сказал Вася тише. — Пойдём.

Поводок между ними натянулся, но Атлант не сдвинулся с места. Пёс не выглядел ни испуганным, ни агрессивным. В нём было другое — полная, спокойная фиксация на чём-то впереди. Решение уже было принято, и обсуждать его Атлант ни с кем не собирался. Он сделал шаг в сторону — не вперёд и не назад, а в лес, с тропы.

— Атлант, ты чего?

Вместо ответа он двинулся в глубь леса. Вася пошёл следом почти автоматически. Он попытался в голове вернуть шутку, прозвучавшую недавно, но не смог вспомнить.

Лес становился плотнее, и вместе с тем ощущение пространства изменилось. Оно стало более закрытым, более внимательным: здесь лес не просто окружал, а присутствовал.

Атлант продолжал тянуть вперёд не как собака на прогулке, а как тот, кто ориентируется на конкретную цель.

— Ну ты даёшь, — пробормотал Вася.

Голос прозвучал глуше, чем должен был.

И вдруг Атлант остановился.

Окончательно.

Сначала это было просто несоответствие. Как будто часть леса не совпала с остальным. Как ошибка в изображении, где один элемент вдруг перестаёт быть частью общего. Потом смысл начал собираться.

Форма. Неподвижность. Человеческое присутствие там, где его быть не должно.

Вася понял, что уже знает, что видит, но всё ещё не произнёс этого внутри себя. Шаг назад оказался тяжелее, чем шаг вперёд.

В траве, покрытой росой, лежала девушка. Лицом вверх. Красная нить на запястье была первым, на чём сфокусировался взгляд Васи.

Глава 2. Янина.

Квартира на четвёртом этаже в центре Глуховца всегда казалась для Яны слишком тихой.

Её мать не выносила шума. Хлопать дверями было нельзя. Музыку включать было разрешено только в наушниках. Телевизоры работали на минимальной громкости. Даже за ужином вилки соприкасались с тарелками так осторожно, будто в квартире жил кто-то больной.

Яна держала спину настолько ровно, что даже не касалась ею спинки стула. Волосы были туго стянуты в косу. А рукава белой, выглаженной до хруста рубашки закрывали запястья. Под тканью тянулись свежие следы от ногтей. Красные дуги, которые появлялись сами собой в присутствии матери. Иногда Яна замечала их слишком поздно, чтобы остановиться.

На кухне пахло жареной картошкой и сигаретами.

Напротив за столом развалился Даня в растянутой серой футболке и лениво ковырял вилкой еду. Сегодня он всё-таки пришёл к ужину. Перед этим курил на кухне, а весь день не отвечал на звонки. Очевидно, ему прощалось больше, чем Яне.

Отец семейства ел, пробегая по строчкам газеты своим фирменным спокойным, отстраненным взглядом. В кругу семьи только рядом с ним Яна могла свободно дышать.

Телевизор бубнил что-то про пробки, выборы и аварии.

— Янина, передай хлеб, — велела мать.

Стоило Яне вытянуть руку, как мать перехватила корзину своими сухими и худощавыми пальцами.

— Ну через стол же! Как можно делать всё так неаккуратно?

Девочка почувствовала, как ногти другой руки впились в только что опущенную ладонь.

Отец перевернул страницу газеты и сказал устало, но без раздражения:

— Люба, хватит.

Мать поджала губы.

— Вить, я вообще-то занимаюсь воспитанием нашей дочери.

Яна посмотрела в тарелку на остывающую картошку. Жир от мяса становился плотнее. Она знала, как пройдёт очередной вечер. Мать продолжит раздражаться, пока Яна не выдержит и не ответит ей, на что Даня обязательно огрызнётся. Потом не выдержит и отец, попросит всех успокоиться — и наступит вязкая тишина.

Пузатый телевизор зашипел помехами.

— Сегодня утром в лесополосе возле реки было обнаружено тело девушки…

Когда Яна подняла глаза, камера показала знакомую тропу — ту самую, где они с Васей часто выгуливали Атланта. Эта новость перестала казаться чужой. И Яна продолжила смотреть.

Нарезка кадров. Лес, милицейская машина, мокрая трава.

Чья-то рука.

Тёмный рукав кофты.

Внутри Яны что-то резко сжалось.

В кухне стало холодно.

Яна вспомнила резкий запах ацетона.

***

Несколько месяцев назад.

Из школьного туалета разило ацетоном.

Яна заметила этот запах ещё в коридоре. Из ближайшего кабинета доносился приглушённый голос учительницы истории, прокатываясь отголосками по пустынному коридору. Но стоило Яне приоткрыть дверь женского туалета, как школа изменилась, стала тёплой и немного шумной.

Лена сидела на узком длинном подоконнике, поджав под себя ногу. Рядом с ней устроилась Кристина, сосредоточенно крася ей ногти чёрным лаком.

— Не дёргайся, господи, — пробормотала она. — Я тебе сейчас всё размажу.

— Да крась уже быстрее.

Лена засмеялась и потянулась за телефоном. Раскладушка в стразах выскользнула и упала на кафель.

— Ой, блин.

— Руки из жопы, — спокойно сказала Кристина.

— Зато какие красивые! — Лена улыбнулась, рассматривая только что накрашенные ногти.

Яна зашла и остановилась у раковины, делая вид, что поправляет причёску перед зеркалом. На самом деле ей просто не хотелось сидеть на алгебре.

Первой её заметила Лена.

— О-о, Янина пришла.

Она всегда говорила с немного растянутой интонацией, для неё всё вокруг было смешно.

— Что, тоже прогуливаешь?

— Нет.

— Почему тогда крадёшься?

Яна пожала плечами.

— Хотела волосы собрать.

— Во время урока?

— Может, у человека пунктик, — сказала Кристина, не поднимая глаз от ногтей.

Лена снова засмеялась. Громко. Слишком громко для школьного туалета. Это было настолько заразительно, что Яна улыбнулась в ответ.

Девочки вернулись к ногтям.

Яна принялась переплетать косу.

— Блин, подожди, — сказала за спиной Кристина. — Это ещё что?

— Где?

— Да вот.

Яна машинально обернулась. Кристина держала запястье Лены, вокруг которого была завязана тонкая красная нить.

Девочка отдёрнула руку. Очень резко.

— Да ничего. Так… от сглаза.

— Ты что, у нас бабка?

— Просто оберег.

— А-а, ну тогда, конечно, — фыркнула Кристина. — Теперь тебя точно не убьют.

Лена закатила глаза и ткнула её локтем.

— Дура.

— Серьёзно, это что, модно теперь? — спросила Кристина.

— Да просто… — Лена замолчала на секунду. — Мне так спокойнее.

Яна обратила внимание, что улыбка Лены больше не выглядела естественной.

— Всё, отстань.

В коридоре прозвенел звонок. Кристина недовольно выругалась.

— Блин. Историчка убьёт.

— Не убьёт, — сказала Лена, спрыгивая с подоконника. — Она слишком старая для этого.

Девочки прошли мимо Яны. Лена задела её плечом. Вблизи от неё пахло сигаретами. Уже у двери Лена вдруг обернулась:

— Янина, если спросят — нас тут не было.

— И что мне за это будет?

— Договоримся.

Лена подмигнула и вышла в коридор. А Яна почему-то ещё несколько секунд смотрела на пустой подоконник и баночку чёрного лака, оставленную возле окна.

***

На кухне телевизор продолжал бубнить про следствие и отсутствие свидетелей.

Яна медленно положила вилку.

— Господи, опять это во время ужина, — недовольно сказала мать. — Совсем уже помешались на своих убийствах.

Даня поднял глаза на экран.

— Это уже третья за лето?

— Вроде того, — пожал плечами отец, поправляя очки.

Мать раздражённо взяла пульт.

— Не хочу это слушать.

Но отец остановил её:

— Подожди.

Она замерла с пультом в руке. На экране снова показали лес. Камера дёрнулась, и Яне стало трудно дышать. Будто дёргалась не картинка на экране, а её саму кружила большая карусель.

— Опять у реки, — заметил Даня.

— Девушкам делать нечего, кроме как по лесам ночью шляться, — отрезала мать.

— Мам, её убили, вообще-то.

— А я, по-твоему, не поняла?

На этот раз отец наконец отложил газету.

— Люба.

Только имя.

Но мать всё-таки выключила телевизор, раздражённо вдохнув.

Кухня сразу стала по-настоящему тихой.

Дальше ели в тишине. Яна почувствовала, как снова начинает царапать кожу возле ногтя, и быстро сжала руку в кулак.

Даня поднялся первым.

— Я курить.

— Только не на кухне, — автоматически сказала мать.

— Ага.

Он ушёл, шаркая тапками по коридору. Мать начала собирать тарелки. Отец снова раскрыл газету.

Ссоры в их семье уже давно начали проходить в тишине.

***

Шесть лет назад.

Яне было девять, и в тот вечер ей казалось, что отец принадлежит только ей.

Они сидели среди разбросанных карточек «Монополии» прямо на полу гостиной. Отец в очередной раз делал вид, что проигрывает, и Яна смеялась так громко, что несколько раз испуганно косилась в сторону кухни.

Уже тогда она понимала, что мать не приемлет шума.

— Янина, — позвала Любовь ещё до того, как появилась в дверях. — Я просила тебя разобрать вещи в комнате.

Яна закатила глаза. При папе она не играла роль прилеж-

ной дочери.

— Потом.

Мать вошла в комнату.

Уставшая, в домашнем халате, с влажными после кухни руками.

— Что значит «потом»?

— То и значит.

Виктор одобрительно усмехнулся в ответ на слова дочери. Этого хватило. Мать сразу перевела взгляд на него.

— Конечно. Очень смешно.

Яна почувствовала знакомое удовольствие — маленькое, злое. Будто она выиграла что-то важное.

— Мы вообще-то играем, — самодовольно сказала она.

— А я вообще-то весь день работала, а теперь убираю за вами.

— Люба, не начинай, — монотонно произнёс отец.

— Я не начинаю? Серьёзно?

Голос матери резко стал громче.

Яна вздрогнула.

— Ты хоть раз можешь сделать ей замечание? Хоть раз? Она разговаривает со мной, как…

— Потому что ты постоянно пилишь её.

— Я воспитываю её!

— Нет. Пилишь.

Мать коротко рассмеялась.

— Конечно. А ты у нас идеальный отец.

Он медленно поднялся с пола. На его лице не осталось и следа той улыбки, которую он старательно натягивал во время игры. Серые глаза за толстыми стёклами очков смотрели куда-то за спину жены.

— Не устраивай истерику при ребёнке.

— При ребёнке? — мать почти сорвалась на крик. — Да ты вообще на меня смотреть не хочешь с тех пор… с тех пор как появился этот ребёнок! Хотя и после Дани…

Тогда Яна не поняла, о чём речь. Ей казалось странным, что мать так кричала, в то время как отец говорил совершенно обыденным тоном.

— Не начинай, Люба.

— Нет, скажи! Скажи ей! Скажи, как ты «связал жизнь» со мной!

— Хватит.

— Ты сам мне говорил: если бы не беременность, ты бы вообще…

Голос матери дрожал.

— Замолчи.

Отец сказал это тем же тоном, которым некоторое время назад поздравил Яну с победой в игре.

Почему мама не могла быть такой же? Глаза Яны начинало жечь. Она ненавидела, когда мать кричала. Ненавидела этот голос. Ненавидела, что всё портилось.

— Уйди отсюда! — резко выкрикнула она.

Мать замерла. Потом коротко усмехнулась — зло, почти

с ненавистью — и вышла из комнаты, не закрыв дверь.

Яна, испугавшись собственных слов, заплакала. Резко, навзрыд — так, как умеют только дети.

Отец сел рядом и обнял дочь за плечи.

— Всё нормально.

Услышав его ровный, безэмоциональный голос, Яна подумала: «Как же, должно быть, отец устал».

Она уткнулась лицом ему в футболку.

И в этот момент она почувствовала: если отец рядом — ничего плохого не случится.

— Ну вот.

Голос брата заставил Яну вздрогнуть. Видимо, он уже некоторое время стоял в дверях.

— Опять из-за тебя поругались.

Она подняла на него мокрые глаза. Даня зло смотрел на неё — как человек, которому надоело слушать одно и то же.

— Могла бы хоть иногда рот закрывать.

И ушёл.

Яна осталась.

Глава 3. Алексей.

Разбитая грунтовая дорога петляла между рекой и лесом. Утро освещало её неестественно по-больничному яркими лучами.

Алексей сидел на пассажирском сиденье, упираясь локтем в стекло милицейской «десятки». Машина подпрыгивала на кочках и покачивалась из стороны в сторону. За рулём сидел Игорь. Пока они проезжали мимо домов с ржавыми балконами, по грузному металлическому мосту через реку и мимо территории старой лесопилки, он успел выкурить уже три сигареты. Окно было открыто, но дым всё равно оставался внутри машины, окутывая Лёшу.

Он скучающим взглядом провожал пробегающие мимо деревья. Ему было девятнадцать лет, школу он закончил, а в институт так и не поступил. Дни постепенно стали похожи один на другой: поздние подъёмы, встречи с друзьями, вечера, которые незаметно превращались в ночь.

Игоря такое положение дел не устраивало, он всё чаще забирал младшего брата с собой на работу. Наверное, хотел научить его жизни.

О найденном теле сообщили уже по дороге. Игорь даже не предложил отвезти Лёшу домой.

— Мам звонила? — спросил Лёша.

Брат кивнул.

— Утром.

— И?

— Поговорили.

Это означало: опять жаловалась на Алексея.

Игорь выкинул окурок в окно. Лёша обратил внимание, что на висках брата уже начала проступать седина, хотя ему было чуть-чуть за тридцать. Последние лет пять Игорь жил на работе, выбираясь оттуда только ради того, чтобы по просьбе матери устранить очередную поломку в доме. О личной жизни брата Лёша давно перестал спрашивать. Редкие свободные вечера Игорь проводил в их доме, сидел на кухне, пил чёрный чай и молча смотрел новости.

За лобовым стеклом показался милицейский УАЗ, припаркованный около ничуть не примечательного отрезка леса. Игорь припарковался следом, и братья вышли из машины.

Их встречал мужчина в форме. Заметив Лёшу, он коротко усмехнулся.

— Опять с братом? Ещё немного — форму выдадут.

— Мне и без формы неплохо, — ответил Лёша с кривой улыбкой.

Сотрудников он давно различал по лицам, некоторых он знал по именам, а подобные поездки перестали для него быть чем-то необычным.

Некоторое время они шли по лесу, пока впереди не показалась жёлтая лента между деревьями. Лёша подумал, что она всегда выглядит слишком тонкой для всего того, что

обычно спрятано за ней.

— Лёш, за ленту не заходи, — прозвучал где-то сбоку голос Игоря.

— Да знаю я.

Лёша присоединился к толпе зеваков. Людей оказалось больше, чем он ожидал. Возле натянутой ленты уже столпились местные мужики, женщины в платках, подростки на велосипедах. Среди них Лёша увидел знакомое лицо. Это был его школьный учитель по литературе. Они обменялись кивками в знак приветствия.

Все стояли слишком близко, надеясь увидеть как можно больше.

— Да куда вы прётесь-то?!

Лёша поднял глаза туда, откуда раздался голос Игоря.

И только теперь увидел тело.

Оно лежало на просвете между соснами, где мох реже и светлее, будто лес просто оставил его здесь и отступил.

— Я тебе говорю, опять девка молодая, — возбуждённо шептал кто-то в толпе.

— Третья уже.

— А разве не четвёртая?

Над толпой тянулся тихий вязкий гул, как на похоронах или возле аварии. У натянутой между деревьями ленты сновали сотрудники милиции, безуспешно пытаясь оттеснить людей подальше; среди них тело оставалось единственной вещью, которая не участвовала в происходящем.

Чуть поодаль от толпы Лёша заметил рыжего парня с овчаркой. Он стоял, ссутулив плечи, крепко сжимая поводок собаки. Парень выглядел так, словно не понимал, куда ещё дальше он мог бы отойти.

Высокий, худой, в мятой ветровке.

Лицо было знакомо.

— Ты нашёл? — обратился к нему Игорь.

Парень кивнул и как-то мельком посмотрел на самого Лёшу, словно узнал.

— Один был? — продолжал милиционер.

— С собакой.

Голос рыжего прозвучал нерешительно. Гигантский белый пёс смотрел в лес.

— Ничего тут не трогал?

— Нет.

Парень снова бросил потерянный взгляд на Лёшу, на этот раз чуть дольше. И этого хватило, чтобы наконец вспомнить.

Василий.

Друг сестры Дани.

Пересекались несколько раз у них дома.

***

Прошлой зимой.

Даня валялся на диване и щёлкал каналы телевизора. В это время Лёша возился на кухне, как у себя дома. Он заварил чай в большую кружку, сел за стол и начал листать первый попавшийся журнал.

Родители Дани относились к нему спокойно. За столько лет дружбы с их сыном Лёша стал человеком, которого давно пустили внутрь семьи.

В то время как Вася выглядел малознакомым посторонним. Он обычно появлялся ненадолго — постоять в дверях, позвать Яну гулять или перекинуться несколькими фразами.

Это был один из таких дней. Когда Лёша открыл ему дверь, в прихожую потянуло холодом. Вася неловко стоял посреди подъезда с мокрыми от снега волосами. Он держался непривычно далеко от двери, как будто нажал звонок и, напугавшись, сделал несколько шагов назад.

— Янка дома?

— В комнате, — ответил Лёша.

Вася тогда посмотрел на него странно, но с чем-то колючим внутри взгляда. Словно Алексей случайно оказался на чужом месте.

***

Сейчас Вася выглядел таким же напуганным. Всё время поправлял поводок, тёр ладонью шею и смотрел куда угодно, только не на толпу людей.

Неожиданно закричала женщина.

Резко.

Надрывно.

Толпа вместе с Лёшей качнулась в сторону, пропуская её.

— Пустите меня! Господи, пустите!

Один из сотрудников милиции попытался удержать сухую

старуху в тёмном пальто, но та вырвалась с неожиданной силой.

— Это моя Леночка! Моя! Пустите меня к ней!

Лёша заметил, как Вася вздрогнул, — казалось, его ударило током.

Теперь у тела было имя.

И Алексей тоже его знал. Лена была из тех девочек, которые постоянно оказывались рядом с чужими компаниями, особенно если в них были парни постарше. Несколько раз она проводила вечер среди друзей Лёши и Дани в гаражах, сидела с ними во дворе, стреляла сигареты, могла уехать ночью кататься с кем угодно и потом вернуться под утро.

Лёше она запомнилась как очень громкая. С привычкой смеяться чуть дольше, чем это было нужно.

Игорь таких девушек называл: «вечно ищут приключения».

Алексей каждый раз молчал.

Жёлтая лента трещала на ветру, пока оперативник натягивал её чуть дальше, пытаясь сместить толпу в сторону.

— Бабушка погибшей? — тихо спросил он.

— Похоже, — бросил Игорь.

Старуха уже почти хрипела.

— Я ей говорила! Говорила — не ходи туда! Не ходи после темноты!

— Уведите её, — устало сказал кто-то из оперативников.

— Это лес её забрал! — выкрикнула старуха так гром-

ко, что несколько человек вокруг невольно замолчали. — Он всегда забирает!

В толпе кто-то нервно усмехнулся. Слишком многие здесь выросли на историях про девушек, которые уходили в лес.

Одна женщина тихо сказала:

— Моя бабка ещё рассказывала — раньше девки нитки на руки повязывали, как у этой.

— От сглаза, что ли?

— Да хрен знает. Говорили — лес своих помечает.

Игорь раздражённо повернулся:

— Вам заняться нечем?

Женщина сразу отвела взгляд. Но замолчали ненадолго.

— А чего? — пробормотал кто-то. — Люди пропадают, а вы всё «маньяк, маньяк». А найти столько лет не можете.

— Да какой человек это сделает? — пробормотала женщина в платке.

— А кто тогда? — хмыкнул учитель литературы. — Леший?

Кто-то тихо и неуместно засмеялся.

Игорь устало потёр лицо ладонью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.